

Инициативы по созданию единого евразийского экономического пространства: основные угрозы реализации

**А.В. Губин,
К.полит.н., руководитель
Азиатско-Тихоокеанского
регионального центра РИСИ**

Современная модель мироустройства все более тяготеет к полицентричности, что обусловлено появлением новых центров экономического роста, а также повышением уровня политической самостоятельности целого ряда государств. При этом складываются новые экономические союзы, на основе которых постепенно будет формироваться и новое пространство безопасности. Одним из наиболее динамичных векторов развития представляется построение единого евразийского экономического пространства, приоритетной целью которого является ликвидация естественных географических препятствий для многостороннего сотрудничества.

Концептуальную основу единого евразийского экономического пространства формируют теоретические разработки, проведенные сразу несколькими странами, претендующими на смену своей геополитической роли в современных условиях. Центральная линия представлена российским проектом Евразийского экономического союза (ЕАЭС), китайским Экономическим поясом Нового Шёлкового пути (ЭПШП), а также «евразийской инициативой» Республики Корея. Существенное теоретическое и практическое значение имеют идеи, предлагаемые Монголией, Казахстаном, Ираном, Вьетнамом, Индией и другими странами, заинтересованными в обеспечении интересов экономического развития при сохранении государственного суверенитета и повышении уровня безопасности.

Во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву в мае 2015 года Россия и Китай существенно продвинулись в укреплении

двустороннего геополитического, экономического и торгово-финансового сотрудничества. Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП является программным документом нового вектора развития. В дальнейшем планируется заключить Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве и продвигаться к созданию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Китаем. Стоит отметить, что наибольшие успехи на этом направлении продемонстрировал Вьетнам, уже заключивший подобное соглашение. Знаковым можно считать и постепенное формирование зоны свободной торговли между Китаем и Республикой Корея.

В рамках многостороннего мегапроекта создания единого евразийского экономического пространства предполагается главные усилия сосредоточить на развитии и совершенствовании торгово-инвестиционного взаимодействия, двусторонней торговли, региональной транспортно-логистической системы, а также создании сопутствующей инфраструктуры, содействующей, в том числе, и социальному развитию территорий.

По мнению экспертов РИСИ¹, значительный вклад призваны внести такие инициативы как создание Совета сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая, участие Китая и Республики Корея в проектах на территориях опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) на российском Дальнем Востоке, углубление межрегионального взаимодействия.

Реализация мер по формированию единого евразийского экономического пространства предусматривает совместную работу не только в двустороннем формате, но и на многосторонних площадках, прежде всего в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также координацию действий с другими международными структурами, такими как

¹ <http://riss.ru/analytics/26249/>

Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВДМА) и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Корейский полуостров занимает ключевое положение в мегапроекте создания евразийского экономического пространства. Республика Корея, ощущая необходимость в новом импульсе экономического развития, повышении политической самостоятельности и улучшении международного имиджа, выказывает готовность в реализации собственной «евразийской инициативы» в контексте российского и китайского проектов. Сеул традиционно заинтересован в наращивании сотрудничества с Дальним Востоком России, а также ликвидации своего «островного» положения за счёт реализации новых транспортных маршрутов и энергетических проектов.

Вместе с тем, реализация столь масштабных инициатив, к тому же альтернативных американоцентричной модели «ступицы и спиц» (*hub and spokes*), сопряжена с рядом сложностей. Среди основных угроз, способных затруднить реализацию или сделать её полностью невозможной целесообразно выделить следующие:

1. Возможность утраты стабильности на Корейском полуострове

Проведение 6 января 2016 года КНДР предположительно четвёртого ядерного испытания и последовавший затем в феврале запуск искусственного спутника стали демонстрацией дальнейшего намерения Пхеньяна полагаться исключительно на военные рычаги обеспечения собственной национальной безопасности, опираясь на стратегию асимметричного сдерживания. Механизм санкций Совета Безопасности ООН, а также введённых некоторыми странами самостоятельно, оказался неэффективным, возвращение к «шестисторонним переговорам» в прежнем формате маловероятно. Планировавшееся ранее умиротворение КНДР за счёт реализации совместных экономических инициатив с РК, Китаем и Россией фактически буксует – Сеул заявил об остановке зоны Кэсон и отказе от участия в проекте «Хасан – Раджин». Подобное развитие событий негативно

сказывается на будущем масштабных транскорейских проектов – железной дороги, газопровода и электросети, что наносит прямой экономический ущерб не только России и РК, но и Китаю, так как Корейскому полуострову отводится особое место в программе «Один пояс – один путь». Вероятно, следует обсудить возможность формирования нового многостороннего механизма по вопросам безопасности на Корейском полуострове на основе трехсторонних консультаций между Сеулом, Москвой и Пекином, как наиболее заинтересованных сторон, с последующим доведением позиций до Пхеньяна. Хозяйственная деятельность на территории КНДР возможна только после урегулирования вопросов безопасности страны и нормализации политического климата.

2. Рост опасности транснационального терроризма

Происходящие последние два года события на Ближнем Востоке, особенно на территории Сирии и Ирака, продемонстрировали новый уровень угрозы со стороны транснационального терроризма, в том числе в лице организации «Исламское государство». Одной из целей участия российской воздушно-космической группировки в борьбе с терроризмом на территории Сирии по просьбе её законного правительства является обеспечение безопасности значительной части евразийского пространства от данной угрозы. Центральная Азия, примыкающие к ней части китайской (Синьцзян-Уйгурский автономный район) и российской территории (Южный и Северо-Кавказский федеральные округа) при неблагоприятном стечении обстоятельств представляют собой почву для распространения исламского радикализма. Данный фактор способен, помимо физического ущерба в виде жертв среди мирного населения, нанести колоссальный экономический ущерб и полностью заблокировать все инициативы России, Китая, Республики Корея и других стран в Евразии. В этой связи совершенно необходима совместная работа как минимум Москвы, Пекина, Сеула и стран ЦА по вопросу борьбы с терроризмом, включая и проведение практических

мероприятий по обеспечению безопасности собственных экономических интересов. Возможно использование уже сложившихся механизмов на основе ШОС и ОДКБ.

3. Усиление экономического и политического давления со стороны США

Мегапроект по формированию единого евразийского экономического пространства, несомненно, вызывает опасения со стороны США, так как позволяет целому ряду стран снизить уровень своей экономической и военной зависимости от них. В этой связи, не исключено оказание давления со стороны Вашингтона на руководство таких стран как Республика Корея, Вьетнам или Монголия через экономические рычаги, инструменты «мягкой силы» и использование политического шантажа, в том числе включая поддержку оппозиции и инициирование «цветных революций».

4. Углубление американско-китайского соперничества в АТР

Несмотря на то, что ни Вашингтон, ни Пекин официально не заявляют о наличии противоречий между ними, налицо борьба за влияние в АТР. Китай обеспокоен американской «перебалансировкой», в том числе в военной области, так как она затрагивает национальные интересы «Поднебесной», в первую очередь в Южно- и Восточно-Китайском морях. Вашингтон также склонен противопоставлять Пекину своего традиционного союзника - Токио, несмотря на то, что в ноябре 2015 года достаточно успешно прошла встреча лидеров трёх государств Северо-Восточной Азии – так называемой «Северной тройки» (СJK). В экономическом плане США делают акцент на развитии формата Транс-Тихоокеанского партнёрства, в котором Китай не участвует, и который, вероятно, направлен на подрыв китайского экономического влияния в регионе.

5. Чрезмерная диверсификация сотрудничества

В связи с ростом экономических возможностей и амбиций Китая некоторые страны как АТР, так и ЦА взяли курс на диверсификацию

внешнеэкономических и внешнеполитических связей. Яркими примерами являются политика «третьего соседа» Монголии или позиция «равноудалённости» Вьетнама. Между тем, попытки участвовать в различных, часто взаимоисключающих, организациях и форматах чревато распылением политических усилий и негативным влиянием на суверенитет соответствующего государства. Важно, что на евразийском пространстве между ключевыми акторами не должно быть конкурентной борьбы. Каждая из стран обладает уникальным опытом и конкурентными преимуществами, которые способны дать синергетический эффект только при совместной работе.

6. Недостаточное использование транспортного потенциала России

Транспортная политика Китая наряду с координацией усилий по развитию российских направлений вполне справедливо предполагает создание новых, проходящих через страны ЦА, Закавказье или Иран и Турцию в Европу. По мнению экспертов РИСИ², в настоящее время можно говорить о намерениях КНР сформировать сразу пять действующих сухопутных направлений в Европу: два российских маршрута, а так же линии Китай – Казахстан – Азербайджан – Грузия – Турция – Европа, Китай – Пакистан – Иран – Турция – Европа, Китай – Казахстан – Киргизия – Узбекистан с возможным выходом на Иран, Турцию и Европу через Туркмению или Афганистан. Ввиду определённых сложностей на турецком направлении возможна реализация маршрута по линии Китай – Пакистан – Иран – Армения – Грузия – Европа. Примечательно, что ряд государств (Украина, Турция, Грузия и др.) сепаратно вступают в переговоры с китайскими компаниями по реализации транспортных схем в обход России для нанесения ущерба нашим интересам. Не затрагивая суверенное право

² <http://riss.ru/analytics/26559/>

Пекина, Сеула, Улан-Батора и других наших партнёров выстраивать логистические цепочки наиболее удобным для них образом, целесообразным представляется максимально эффективно использовать российский потенциал по развитию железнодорожной сети, морского транспорта (в том числе Северного морского пути) и трубопроводных магистралей с созданием сопутствующей инфраструктуры. В свою очередь и российская сторона готова участвовать в проектах на территориях других стран в рамках сопряжения многосторонних усилий по построению единого евразийского экономического пространства.

Нивелирование указанных угроз требует значительных усилий и многолетней совместной работы, однако делает возможным дальнейшее движение в сторону формирования нового – евразийского - вектора мирового развития.